

14 августа 1982 года № 187 (19716)

ПРОЕЗДОМ ПО МУРОМСКОМУ ТРАКТУ

О многих деталях жизни замечательного русского писателя И. А. Гончарова, автора «Фрегата Паллады», «Обломова», «Обыкновенной истории», «Обрыва», осталось до обидного мало сведений. Летопись его жизни составлена из одних только крупных мазков и почти не содержит тех мелочей и бытовых подробностей, без которых трудно представить писателя как живого человека.

Сдержанный, замкнутый, «застигнутый на все пуговицы», подозрительный, он не любил выставлять напоказ свои переживания и тем более посвящать в них сторонних людей. Другая причина — обособленное положение Гончарова в писательском кругу.

В 60-х годах прошлого века стали уходить из жизни его первые литературные друзья, а с оставшимися отношения портились. С молодежью демократического лагеря связи не налаживались; к тому же поэзию Некрасова Гончаров, вообще скупой на похвалы, имел неосторожность назвать «рогожей, по которой пущена шелковая вышивка». Естественно, что возглавляемая Некрасовым редакция журнала «Современник» от Гончарова отделилась.

А с И. С. Тургеневым Гончаров повел настоящую тяжбу. В конце 60-х годов Гончаров изложил Тургеневу, с которым до той поры был в приятельских отношениях, план задуманного романа «Обрыв» и содержание некоторых сцен из него. Эта беседа стала бедой для обоих писателей. Прошло немного времени, и мнительному Гончарову стало казаться, что в произведениях Тургенева, появившихся в печати, — слепки с его, гончаровских, замыслов. Причем не только у Тургенева, а и у европейских писателей из числа тургеневских знакомых. Почувствовав себя обокраденным, Гончаров потерял обычную сдержанность и стал осуждать Тургенева и устно, и письменно, и печатно.

Обиженный Тургенев хотел было вызвать Гончарова на дуэль, но не дуэлянт по природе ограничился требованием беспристрастного разбора дела «третьим» судом. Авторитетные литераторы — П. В. Анненков, А. В. Дружинин, С. С. Дудышкин, А. В. Никитенко — разобрали претензии Гончарова и, в общем-то, признали их необоснованными. Тургенев изъял из своих сочинений некоторые особо раздражавшие Гончарова места, но объявил, что далее все сношения с Гончаровым прекращает.

Был у Гончарова еще один штрих, за который его недолюбливала передовая интеллигенция — его чиновничья служба. В отличие от дворянских писателей Гончаров, происходивший из симбирских купцов среднего достатка, не имел ни поместий, ни доходов с них, и средства на жизнь добывал своей службой. В этом не было бы ничего предосудительного, но служил-то Гончаров в цензуре — ведомстве, печально известном зажимом всего передового. Сам

Гончаров искренне считал, что он, как цензор, борется только с «глупостью». Объективно Гончаров-цензор сделал даже немало полезного: например, только благодаря его заключению был наконец-то опубликован полный текст лермонтовского стихотворения «На смерть поэта».

Незадолго до смерти Гончаров сжег все рукописи, не предназначенные им самим для печати, — отвергнутые сочинения, черновики, записи, и просил всех корреспондентов, обладателей гончаровских бумаг и писем, исполнить его волю таким же образом.

Все сказанное в известной мере объясняет, почему сведений о жизни Гончарова до нас дошло немного... Мы знаем, например, что И. А. Гончаров проезжал по «Владимирке», бывал и в губернском Владимире, и в уездных городах, наблюдал жизнь придорожных селений. Но его впечатления умерли вместе с ним. Тем дорожке для нас, владимирцев, те немногие строки современников, которые касаются поездок писателя по владимирскому краю.

Об одной из таких поездок писателя рассказывается в записках Евдокии Петровны Левенштейн, приемной дочери сестры И. А. Гончарова — А. А. Музалевской. Вскоре после «парнасского суда», летом 1862 года, Гончаров уехал на родину, в Симбирск, и уединенно жил в доме Музалевских. Беседуя с приемной дочерью сестры и «экзаменующая» ее, Гончаров увидел явные пробелы в ее образовании и посоветовал сестре отдать девочку в учебный пансион в Москву. Он предложил сестре «сопутствовать... до Москвы, помочь ей отыскать пансионат», хотя ему приходилось ради этого «пробыть в Москве несколько лишних дней».

Путешествие от Симбирска до Москвы в те годы было утомительным: сначала пришлось ехать на пароходе до Нижнего, а от него — на лошадях. Гончаров со спутницами выехал из Симбирска 11 или 12 июля. Вот и «Владимирка».

«От Нижнего, — вспоминала потом Е. П. Левенштейн, — ехали на двух тарансах, на почтовых. Помню, около Владимира проезжали муромскими лесами. Поговаривали о случаях нападения и ограбления путешественников. Даже ямщики — и те спешили проезжать некоторые места, зная, где может представиться опасность; им, привычным, и то было жутко.

Помню, что хотя и редко, но встречались пикеты, охраняющие путь.

Дядя (И. А. Гончаров) часто смотрел в заднее окошечко повозки, не отрезаны ли наши чемоданы. Мы от страха мало спали, плохо ели, обеда почти нигде нельзя было достать, и знаменитый наш писатель весьма плохо себя чувствовал, бранил русские дороги, вспоминая заграничный комфорт и пути сообщения. Однажды утром ему сделалось дурно, и он напугал нас...».

Ю. ЕРОФЕЕВ.